

КРАСНЫЙ СЕВЕР

ОРГАН ВОЛОГОДСКОГО ОБЛАСТНОГО И ГОРОДСКОГО КОМИТЕТОВ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА, ОБЛАСТНОГО И ГОРОДСКОГО СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ

139 (10875)

Среда, 14 июля 1954 года

ЦЕНА 20 КОП.

Драматургия А. П. Чехова

В 1898 году, просмотрев на сцене пьесу «Дядя Ваня», Алексей Максимович Горький писал А. П. Чехову: «...Вы—такая разительно ослепительная... Слушая вашу пьесу, думал я о жизни, принесенной в жертву искусству, о вторжении красоты в нищенскую жизнь людей и о многом другом, коренном и важном. Другие драмы не отталкивают человека от реальности, но философских обобщений—ваши делают это... Я вообще не знаю, как сказать вам о моем преклонении пред вами, не нахожу слов,—верьте!—я искренен. Вы могучий талант».

Через два года после этого в связи с появлением повести А. П. Чехова «В овраге» А. М. Горький в большой статье, посвященной анализу основных линий творческого движения А. П. Чехова, дал другое замечательное свидетельство: «Все чаще слышится в его рассказах грустный, но тяжелый и меткий упрек людям за их неумение жить, все красивее светит в них сострадание к людям... Каждый новый рассказ Чехова все усиливает одну глубоко ценную и нужную для нас ноту—ноту бодрости и любви к жизни».

В этих двух высказываниях А. М. Горького дан ключ к пониманию всего творчества Чехова, в частности—его драматургии.

Широко известно, какой густой паутинной клеветы и непонимания было окружено творчество великого писателя-реалиста в истолкованиях литературных корифеев тогошнейшего паразитизма. Раздраженные чеховским отрицанием народнических догм и низвержением народнических кулуаров, они настойчиво заявляли, будто Чехов вообще не имеет никаких идеалов и никакого мировоззрения, безразличен к изображаемым явлениям, а потому никому не идет сам и не зовет читателей. Основными чертами его творчества объявлялись безверие, пессимизм, безалаберность. Эта клевета оказалась настолько липкой, что ее проваления наблюдались даже в 20—30 годы нашего столетия.

Принимать все это Чехову было не-

трудно, так как многим героям его рассказов и драм свойственны безверие и скука, лешей скитания и жизненная пустота. Однако писатель превосходно понимал, что все эти черты являлись симптомами загнивающего и разлагающегося буржуазно-дворянского общества и в своем творчестве не утверждал, а отбрасывал их.

Известен замечательный некролог великому русскому путешественнику П. М. Пржевальскому, напечатанный Чеховым в 1888 году. Этот некролог—политинг в честь сильных людей-героев, утверждающих в жизни положительный идеал и составляющих «самый поэтический и жизненадежный элемент общества». Такие люди, по убеждению Чехова, «нужны, как солнце... Их личности—это живые документы, указывающие общество, что, кроме людей, ведущих спор об оптимизме и пессимизме, пишущих от скуки неважные повести, ненужные проекты и дешёвые диссертации, развратничующих во имя отрицания жизни и других ради куска хлеба, ...есть еще люди иного порока, люди подвига, веры и ясно сознанной цели».

Такое преклонение перед людьми благородной идеи, сильной воли и героического подвига идет у Чехова, конечно, не от мировоззрения и настроений обанкротившейся народнической интеллигенции, а от пробуждавшейся в те годы и неслыханной выхола народной силы. В. И. Ленин с большой выразительностью раскрыл подпольное действие этой силы в восьмидесятые годы, которые рассматривались народниками как сплошь реакционные.

«...В России не было эпохи, про которую бы то такой степени можно было сказать: «наступила очередь мысли и разума», как про эпоху Александра III—писал Владимир Ильич... Именно в эту эпоху всего интенсивнее работала русская революционная мысль, создав основы социал-демократического мировоззрения» (Соч., т. 10, стр. 230). Огромные успехи, достигнутые тогда передовой русской философией, нашей наукой (в частности—естествознанием), нашим искусством (жи-

воисью, музыкой), литературой, создались на этой основе.

Сильнейшие токи высокой народной мысли прошли и через все жизнепонимание Чехова. Писатель не имел и не создал до конца жизни ясной политической программы, не определил и не понап правильной, марксистской тактики политической борьбы. Но действие лучших демократических традиций прошлого и благородных идей современности, честные и острые наблюдения над общественной жизнью, большой опыт труженика-демократа породили в нем, с одной стороны, глубокое осуждение синицных мерзостей и неправды обывательской мещанской жизни, а с другой,—страстное стремление вырвать людей из этого болота и показать им облик другой, настоящей, благородной трудовой жизни, во имя которой стоит бороться. Две эти черты, слитые вместе, в образе изумительного, неповторимо своеобразного мастера Чехова, составляют главное существо его творческой личности.

Чехов-драматург оставил нам в наследство свыше 20 пьес, которые разделяются на драматические миниатюры, шутки и сцены, с одной стороны, и пьесы большой драматургической формы—с другой. И те и другие до сих пор не сходят со сцены наших театров и глубоко волнуют советских зрителей. В СССР нет ни одного сколько-нибудь значительного населения, где не читали бы чеховские пьесы не ставились бы либо приезжими профессиональными, либо местными любительскими труппами.

Драматические миниатюры писателя, составлявшие своеобразную параллель его мелким рассказам, никогда не производили на передовых зрителей и читателей впечатления только утешительных маленьких пьес. Чуткий зритель наблюдал в «Свадьбе», «Юбилее», «Предложении», «Медведе» пестрый базар житейской суеты, смеялся над меткими обывателями, устраивавшими нелепую бутфорию юбилейных торжеств или нарядную «свадьбу с генералом». Однако вместе с беззаботным

смахом у него рождались другие чувства и настроения, исполненные серьезности и грусти. Через шутку и веселый анекдот зритель постигался вслед за автором к пониманию существа тогдашней жизни, в которой так сильны были и крепостнические пережитки, и застойность мещанского быта, и непроходимая пошлость и тупой бюрократизм, и подлое подхалимство. Он в конце концов начинал сознавать, что показанные ему уродства—типичные, господствующие явления действительности России эпохи самозаморозки, что за ними—целое море страданий миллионов людей. Очень ярко выразил сложную гамму этих настроений Горький в своем первом письме к Чехову: «Сколько дивных минут прожил я над вашими книгами, сколько раз плакал над ними и злился, как волк в капкане, и грустно смеялся подолгу».

В своде крупных драматических произведений «Иванов», «Чайка», «Дядя Ваня», «Три сестры», «Вишневый сад» Чехов проявил громадное мастерство художника-мыслителя и новатора, унаследовавшего лучшие традиции идейной демократической и реалистической драмы, открывшего новую страницу в истории русского и мирового театров.

Одно время было широко распространено мнение, будто эти пьесы во всех отношениях контрастны драмам А. П. Островского и Чехов вообще ставила своей задачей «отменить» всю предшествовавшую драматургию, как отжившую свой век. Такое мнение, конечно, глубоко неверно. Чехов с большим уважением относился к творчеству своих гениальных предшественников в драматургии—Грибоедова, Пушкина, Гоголя, Островского, Тургенева, Л. Толстого. Он высоко ценил у них идейность, глубину показа народной жизни, актуальность тематики, могучее революционизирующее действие на читателя и зрителя. Этими замечательными чертами писатель наделял и собственные драматические произведения. Чехов ставил в них огромные проблемы общественной жизни в эпоху, когда страна вступала в новый, пролетарский период революционного движения. Он показал кризис и несостоятельность либерально-народнической интеллигенции, окончательное крушение

дворянской усадьбы и появление в ней новых, буржуазных хозяев, тоскливую пустоту и пошлость жизни даже лучших людей этого круга, бесконечное трудное, мучительное существование народа. Писатель смело отрицал все отживающее и одновременно дал аналогию честного творческого труда, свободной человеческой мысли, самоотверженного служения людям. Всем этим его пьесы естественно продолжали благородные традиции демократической русской драматургии.

Но, опираясь на эти традиции и следуя им, Чехов одновременно выступил и как смелый новатор, неизменно расширявший способы и возможности воздействия театра на зрителя. Со свойственной ему тонкостью, остротой и силой мысли он пришел к выводу, что путь к решению этой проблемы лежит не в усилении сложности и динамичности событий и происшествий, а в более тонком, глубоком и многообразном проникновении во внутреннюю жизнь отдельных людей и человеческих коллективов.

А. П. Чехов дал в своих драмах изумительные образцы такого проникновения. Помимо прямых столкновений людей и открытых монологов, он использовал для обнаружения «внутреннего человека» множество других средств—и многообразие пауз, и отдельные лирические реплики, и совершенно неожиданные изгибы в логике речи, и характерную речь персонажей и особые волнующие звуки (вабный звон, звук догнувшей струны, стук топоров, вырывающих вишневый сад), и гармонирующие с настроением героев картины из мира природы (колдовское озеро в «Чайке», отблеск пожара в «Трех сестрах»).

Драматургический конфликт перенесен Чеховым из внешнего мира во внутренний. Его основу составляют не столько столкновения отдельных людей, сколько борьба стремлений к высокой правде настоящей человеческой жизни с грубым и пошлым мещанским бытом, с болотной скукой отживающего паразитического существования. И чем больше давят на людей в чеховских пьесах мерзости этого постылого паразитического существования, тем мучительнее слышится тоска о другой, настоящей творческой жизни, тем

ярче выступает мечта о ней и ее предожужение.

В последние годы жизни Чехова в результате роста революционного движения его мечта приобрела большую конкретность. Она все теснее сблизилась со стремлениями лучших слоев русского народа, вышедших на путь революционной политической борьбы. В одном из последних произведений—повести «Новस्ता»—Чехов прямо сказал, что счастье настоящей жизни возможно, близко и необходимо.

Условие этого счастья—коренное изменение жизни, освобождение народа. Надо переперуть жизнь, говорит здесь Чехов устами одного из героев. «От вашего города тогда мало по малу не останется камня на камне, ...все полетит вверх дном, все изменится, точно по волшебству. И будут тогда здесь громадные, великолепнейшие дома, чудесные сады, фонтаны необыкновенные, замечательные люди». «О, если бы поскорее наступила эта новал, ясная жизнь,—пишет Чехов,—когда можно будет прямо и смело смотреть в глаза своей судьбе, сознавать себя правым, быть веселым, свободным!».

Такая же мысль отчетливо выражена в последних драматических произведениях писателя. В широкой общей форме она встречалась и раньше, например, в мечтах Астрова о будущих лесах и садах, которые сделают Россию чудесной и прекрасной. В девяностых годах она получила отчетливую и конкретную форму. Так Прина из «Трех сестер» стремится к неустанному труду во имя светлого будущего. Тушенбах заявляет о том, что «пришло время, наливается на всех нас громада, готовится зоревая, ослепная буря», которая слетит с общества лень, равнодушие, предубеждение к труду, глупую скуку и после которой работать будет каждый.

Эта зоревая буря пришла в нашу страну в Октябре 1917 года—она действительно принесла нам счастливую трудовую жизнь. Строители этой жизни чтут память великого писателя-новелиста и драматурга Чехова, провозвестника нашего сегодняшнего дня.

Евг. БОГОМОЛОВ,
доктор филологических наук.